

ЭМИГРАЦИЯ И ТРУД

Нынешняя русская эмиграция попала за границу в эпоху, когда во всех почти странах жизнь пролетариата изменилась особенно заметным образом.

Социальная борьба минувшего века, рост сознания, брожение умов, потрясения, вызванные последней войной, угрожающее зарево русской революции — все это дало наконец трудящимся и закрепило за ними права, являвшиеся еще так недавно всего лишь объектом их настойчивых, но долго имущим классом отвергавшихся, требований.

Восьмичасовой рабочий день. Пенсии. Страховка. Охрана детского и женского труда. Всеобщее образование. Легализация профессиональных союзов и т. д. — вот, в общих чертах, некоторые из тех результатов, которые уже оказались достигнутыми в большинстве культурных стран под напором стремления наиболее активных слоев рабочего класса не к частичным изменениям, не к отдельным реформам, как к конечной цели, но к радикальному преобразованию всей общественной жизни.

Достигнутые пока частичные результаты уже изменили не только условия труда и не только внешние формы жизни трудящихся, но в значительной мере и внутреннее ее содержание.

Интересы и кругозор пролетариата начали расширяться. Всеобщая грамотность дала почти каждому рабочему в руки газету, а иногда и книгу. Зародилась интеллектуальная и духовная жизнь. Вместо старого, единственно доступного развлечения — непробудного пьянства, с пропиванием последних грошей, с вечными драками в рабочих кварталах и избиванием жен и детей, стали появляться новые интересы, не Бог весть какие высокие, но все же, по сравнению с непробудным пьянством, более достойные. Рабочий увлекается теперь (даже слишком) спортом, ходит в кино, иногда в театр, интересуется искусством...

И если его новые интересы еще не стоят на должной высоте, то тут вина не тех, кто так или иначе добился указанных изменений и улучшений, но тех, кто все еще продолжает злонамеренно, но с лицемерными сокрушениями и вздохами, препятствовать углублению наметившихся перемен и облагорожению психологии масс.

В общем же та рабочая жизнь, которую большинство нынешней эмиграции оказалось теперь вынужденным разделить, уже совсем не та, чем была лет 20-30 тому назад; жизнь каково-нибудь, например, шахтера, работавшего 10-12, а иногда и 14 часов в сутки, т. е. никогда почти не видавшего солнца, не имевшего даже где вымыться после подъема из шахты, шедшего затем в поисках хоть какого - нибудь развлечения прямо в кабак, возвращавшегося оттуда черным, как демон, и пьяным, как стелька, домой, где его ждала, выбившаяся из сил, жена с оравой грязных, больных и мрущих, как мухи, детей и где та "семейная жизнь", которую с такой настойчивостью спасают, как высшую святыню, поклонники отживающего мира, была сплошной дракой, драмой и растлением подрастающих поколений.

Вынужденное отступление на целом ряде участков социального фронта тех привилегированных классов, к которым в своем подавляющем большинстве принадлежала и нынешняя "зарубежная Россия", спасло теперь последнюю от тяжести ознакомления с тем, что составляло в прошлом главные ужасы рабочей жизни.

Но несмотря на такое парадоксальное сцепление обстоятельств, при котором частичное поражение мировой буржуазии и полное поражение русской "белой" эмиграции является одной из главнейших сил, спасающих последнюю теперь вместе со всеми другими трудящимися от необходимости испытать еще более горькую чашу нужды, лишений и унижений, несмотря на то, одним словом, что трудовая эмиграция поставлена теперь в условия несравненно лучшие, чем те, в которых еще так недавно жили все рабочие и которые буржуазия всегда находила "нормальными", российские зарубежники не перестают теперь плакаться на свою горькую судьбу, не перестают теперь в себе вынашивать самые черные, пессимистические, даже "апокалипти-

ческие" настроения и если еще не бросаются массами под кручу в омут, то только в силу еще теплящейся надежды на то, что "когда - нибудь же кончится эта собачья жизнь".

К одним и тем же новым формам, условиям жизни две различные массы подошли с двух различных сторон:

в то время, как пролетариат большинства культурных стран достиг, **поднялся** до 8-ми часового рабочего дня, оставляя позади себя ужас 12-14-ти часовой работы, да к тому же еще в таких общих условиях, которые совершенно его лишали человеческого образа и подобия,

в это время "зарубежная Русь" докатилась, **упала** до того же самого 8-ми часового рабочего дня, оставляя в своем прошлом привольное житье - бытье, блаженное и сладчайшее ничего-неделание.

Вот почему подход к **одному и тому же историческому этапу, социальному этапу** сопряжен у разных людей с зарождением и развитием совершенно различной психологии:

в то время, как одни переживают весеннюю радость, радость пробуждения, радость выхода из мрачного, темного склепа на чистое, озаренное солнцем место,

в это время другие переживают безотрадное настроение существ, слетевших с розового, залитого солнцем Олимпа прямо в грязную, вонючую лужу.

Конечно, совсем нельзя сказать, что рабочий люд готов уже почувствовать себя вполне удовлетворенным и почить на лаврах. **Этого, разумеется, совершенно нет.** Рабочий класс хорошо сознает, что достигнутого еще недостаточно для того, чтобы успокоиться и что **главное еще впереди.**

Но что в настоящее время для него является наиболее ценным, это то, что поступательное движение в жизни (в котором хочет теперь сомневаться буржуазия), эволюция, прогресс является для него фактом проверенным и доказанным, фактом не подлежащим никакому сомнению и настолько же самоочевидным и бесспорным, как и то, что он дышит, ходит, пьет, ест и т. д.

Одним словом, разница в оценке жизни у настоящего, "не маргаринового" рабочего с одной стороны, и новопеченного рабочего, — русского эмигранта, — с другой, громадна. И если для первого достигнутое и существующее далеко еще не яв-

ляется раем, то для второго то же самое, наверное, равнозначуще аду.

Что можно было бы по справедливости ожидать от трудовой эмиграции при такой оценке окружающей ее действительности?

Едва ли не самым естественным и справедливым было бы ожидать от эмиграции, — принимая во внимание ее постоянные сетования на тяжесть, беспросветность трудовой жизни, — чтобы она так же, как и наиболее сознательная часть пролетариата, с которым она оказалась теперь физически слившейся, пожелала наконец очищения социальной жизни от всех тех несправедливостей, язв, грехов, которые делают возможным то, что при всех силах и богатствах, находящихся сейчас в обладании человечества, миллионы и миллионы не только больных, не только старых и немощных, но и молодых, здоровых и трудоспособных людей, вынуждены изо дня в день с тревогою себя спрашивать: “А что будет со мною завтра? Будет ли у меня завтра кров над головою и хлеб насущный? Будет ли чем накормить семью, детей?”

Самым естественным и справедливым было бы, чтобы эмиграция, почувствовав наконец острее, чем все старые, мозолистые, “натренированные” рабочие, всю жестокость существующего порядка, перестала бы “плакать в жилет” и выклинивать лишь для себя лично всякие подачки, переходя таким образом на положение потерявшего всякое достоинство приживальщика, но вошла бы наконец в ту борьбу окружающих ее сейчас людей, людей потеснившихся с тем, чтобы дать ей место у своего рабочего станка и поделившихся с нею куском хлеба, в ту борьбу за лучшее будущее всего человечества, которую она раньше из своего прекрасного далека так плохо видела и совершенно не понимала.

Самым естественным и справедливым было бы то, чтобы эмиграция начала желать и другим и, — всем вообще трудящимся, — того же, чего желает себе, и чтобы она перестала другим желать и оставлять то, чего она себе не желает...

Но по этому поводу тут же приходится с сожалением отметить, что слезно вымаливая для себя у всех богатых подъездов и на страницах своей прессы у “добрых людей” всякие

милости (ссуды, пособия, стипендии, сборы, тепленькие местечки и т. д.), эмиграция в то же время не перестает злопыхательствовать против тех, кто имеет твердость говорить более решительным и определенным языком с этими “добрыми людьми”, сидящими и болтающими ножками на набитых сундуках, в то время, как другие из сил выбиваются.

Разделив труд и хлеб с теми, кто всю жизнь не переставал гнуться под тою ношею, которую она торопится так или иначе с себя сбросить, эмиграция реагирует на борьбу своих “товарищей поневоле” даже не одним только злопыхательством, но и целой системой поведения, стяжавшей ей в рабочей среде незавидную репутацию “предателей”.

Срывание забастовок, работа в первомайский и другие праздники трудящихся, поворачивание спины ко всем профессиональным организациям, заботящимся об улучшении судьбы рабочих, и вообще отказ от всякого проявления элементарной солидарности, понятной даже малым школьникам, не выдающим и не предающим своих товарищей, — вот тот путь, который эмиграция к сожалению пока избрала для осуществления своей, якобы, “великой миссии”, о которой ее “идеологи” и “вожди” вещают и трубят на всех перекрестках. Если другой рабочий, — тот, кого благородный эмигрант, верящий в свою “великую миссию”, обзывает открыто или исподтишка хамом, мужиком, смердом, плебеем, просто сволочью или “нечистым самарянином”, попытается добиться улучшения своего существования, попытается дать своим детям хоть долю того, что другие “добрые люди” считают совершенно необходимым для себя и для своих детей, то благородный эмигрант сразу же станет доказывать, что рабочий одержим “пролетарской завистью”, пропитан “гнусным материализмом” и т. д. и не преминет при этом, если только представится возможность, дать этому рабочему под ножку, чтобы тот со своей “невоздержанностью” и “завистливой требовательностью” снова слетел на самое дно черной житейской ямы.

Но разумеется (это необходимо всячески повторять и подчеркивать) такое отношение к другому голодному и нуждающемуся человеку не мешает зарубежному россиянину не переставая плакаться на свою собственную судьбу и искать ее улуч-

шения; все это не мешает ему желать для себя того, в чем он отказывает другим, и оставлять для других то, чего он не желает для себя; все это не мешает ему по отношению к собственной своей жизни оценивать как естественное и даже похвальное стремление прийти к "нормальным условиям существования" то, что в жизни других людей он оценивает, как "гнусную, пролетарскую зависть"; все это, наконец, не мешает ему ругать "проклятых иностранцев", "проклятых союзничков" за то, что те не сажают его приживальщиком за свой барский стол за счет трудового пота своих рабочих, обреченных на вечный труд.

Зарубежный россиянин был бы очень не прочь зажить за границей припеваючи и ничего не делая, на спине у тех, кто лезет в шахты и проводит свою жизнь на заводах и фабриках.

И, принимая это во внимание, кто же ему поверит, что его стремление вернуться в Россию не есть прежде всего (если не исключительно) стремление, предоставив другим по прежнему за гроши спускаться в шахты и морить себя у доменных печей и на заводах, для себя в это время придумать что-либо "позамысловатее", но и... поприятнее?

Но если, наблюдая за жизнью эмиграции, нельзя признать того, что ее большинство многое позабыло и хоть чему -нибудь научилось (в смысле с одной стороны сдерживания собственных вожделий, а с другой стороны — понимания чужих нужд и интересов), то все же надо думать, что хоть некоторое ее меньшинство найдет в себе, наконец, решимость критически оценить тот мир, тот социальный порядок, который в настоящее время с новой силой обнаружил свою порочность, допустив наряду со всеми созданными и создаваемыми кругом богатствами, возникновение нового экономического кризиса, сопровождаемого почти повсюду тяжелой безработицей, лишениями и голодом миллионов, десятков миллионов человеческих существ.

Когда человечество голодало от недостатка богатства, от своей бедности, тогда его могла еще до некоторой степени утешать и как бы насыщать надежда на то, что беду можно будет устранить более напряженным и более искусным трудом.

Но когда теперь нынешние руководители общественной

жизни наконец "гениально" додумались до создания такого социального порядка, в котором голод, нужда, лишения неизбежно, автоматически и непреодолимо вытекают из богатства, из обилия, из избытка, когда развитие, улучшение условий существования трудящейся, наиболее нуждающейся, части человечества натолкнулось вдруг на грозное препятствие в виде "промышленного перепроизводства", т. е. в виде колоссального накопления всех произведенных общим человеческим трудом средств существования в руках магнатов капитализма, то тогда на что еще остается надеяться и над чем остается еще работать и трудиться, как не над уничтожением этого порядка и не над заменой его иным, излеченным от этого парадоксального и позорного обуславливания тяжелой нужды невиданной роскошью и избытком?

Вот то заключение, к которому должна прийти та часть трудовой эмиграции, которая, обогатив свой опыт переживаниями и наблюдениями последних лет, могла научиться лучше понимать потребности и интересы других людей, глубже разбираться в социальных отношениях и испытала наконец потребность хоть какнибудь, хоть в какой бы то ни было мере поспособствовать оздоровлению общественной жизни, все еще пораженной, несмотря на все достигнутые частичные улучшения, всякими бедами и язвами.

А. Хилков.